

ТІЛ БІЛІМІ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Диакронический взгляд на аксиологическую шкалу эпитета в прагматиконе отдельной языковой личности

Н. И. Гайнуллина

д.ф.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье предлагается нетрадиционный взгляд на функциональные особенности эпитета с позиций диахронического развития русского языка. На примере переписки Петра I показано формирование аксиологической шкалы эпитета, представляющей набор ценностных характеристик, соотнесенных не только с отдельной языковой личностью конца XVII – первой трети XVIII вв., но и с общими эволюционными процессами в русском языке на начальном этапе его становления как национального.

XX – начала XXI вв. к проблемам речевой деятельности в контексте интегративности гуманитарного знания представляет неоспоримый факт современного состояния науки о языке. В этой интегральной научной модели центром исследования и одновременно его аккумулятором выступает ЧЕЛОВЕК, личность homo sapiens, определившая удивительно продуктивное интегративное направление в изучении языка – антропоцентрическое. Оно позволило не только расширить, но, прежде всего, углубить наши представления о главном объекте изучения – языке – не только в синхронном его состоянии, но и (что особенно важно!) в диахроническом, наиболее сложно воспринимаемом и реализуемом исследователями письменной продукции прошлого с позиций новых научных парадигм современности. Именно в подобном аспекте нам представляется интересной, казалось бы, хорошо изученная в науке о русском языке проблема функционального назначения эпитета.

В предлагаемом сообщении мы пытаемся представить названную частную проблему как отражение определенного этапа исторической линии развития русского языка, в частности, на примере такого ее отрезка, как начальный этап формирования русского литературного языка национального типа, когда произошли кардинальные изменения в его структурном и, особенно, функциональном аспекте, сломавшие предшествующие стереотипы использования

литературно-книжной (церковнославянской в своем генезисе) формы языка и заложившие новые полифункциональные особенности формировавшегося русского языка национального типа. И здесь основополагающую роль сыграло появление на культурно-исторической арене отдельных ярких языковых личностей, своим примером продемонстрировавших основные направления в развитии и использовании русского литературного языка единой нации с его богатейшими потенциально и реально имевшимися средствами выражения. Среди них можно назвать таких культурных деятелей этой эпохи, как Ф. Прокопович, Ф. Поликарпов, Я. Брюс и др.). Однако главной фигурой следует признать прежде всего самого Петра I, известного преобразованиями не только в общественно-политической и культурной сферах жизни, но и целенаправленными реформами в области языка. Эти реформы впервые в истории русского языка демонстрируют именно *осознанную, целенаправленную* его языковую политику как государственную проблему. Не случайно все, что он оставил после себя в виде письменной продукции творческого характера (различного содержания и назначения письма, тетради, дневники, записки, распоряжения, указания, законы, уставы, заметки на полях и т.п., что мы определяем единым понятием *бумаги*), оказалось прекрасной иллюстрацией происходящих в русском языке Нового времени изменений. По этой причине мы вновь обратились к ним,

чтобы показать подобные новшества на примере такого, казалось бы, хорошо изученного научного явления, как *эпитет*, и заодно углубить представления о нем. Известная теория языковой личности, активно разрабатываемая современной наукой, помогает с максимальной степенью доказательности сделать это и для исторического аспекта развития русского языка на отдельном участке его строя, подчеркнув такую его особенность, как *эволюция*.

В связи со сказанным дискурсивная деятельность (или продукция) отдельной языковой личности, сконцентрированная в устном высказывании или письменном тексте, может рассматриваться как такой филологический феномен, в порождении которого участвует ряд составляющих: *объективная действительность* как фон, на котором протекает речевая деятельность субъекта; *психические возможности личности* (психическая ее структура) и, наконец, *национальное начало*, языковыми средствами вербализующее особенности этноса, к которому принадлежит создатель дискурса. С учетом этого следует помнить, что дискурс отдельной языковой личности в синхронии и диахронии существенно различается по форме своей репрезентации: если дискурс синхронного носителя языка может существовать как в устной, так и в письменной форме, то в диахронии – только в письменной форме в виде набора текстов (либо отдельно письменного зафиксированного отрезка текста), дошедших до настоящего времени от прошлых эпох. Именно вторая форма дискурса, ориентированная на отдельную языковую личность в ретроспекции любой давности, представляет объект исследования историка языка. И с этих позиций дискурсивная продукция, особенно выдающейся личности, к какой мы, безусловно, относим Петра I, приобретает исключительную значимость для понимания и создателя текста – реальной языковой личности, и эпохи, предоставившей ему имеющиеся в ее распоряжении языковые средства на момент его создания. Однако не каждая языковая личность в состоянии одинаково распорядиться подобным арсеналом форм выражения, а только *творческая языковая личность*, природные способности которой помогают ей создать комбинацию структурных элементов языка и построить текст, отличный от текстовой (дискурсивной) продукции других носителей языка той же эпохи. Этот феномен можно отметить и на уровне лингвистической организации текста

в целом, и на примере использования отдельных элементов языка своего времени. К подобным формам реализации прагматикона отдельной языковой личности, на наш взгляд, относится, и эпитет в структуре языковой личности Петра Великого.

Известно, что под эпитетом понимается стилистически и функционально значимая (обычно лексическая) единица языка, обладающая художественной выразительностью и указывающая на эмпатическое состояние говорящего, его стремление не только выразить свои чувства, но и оценить репрезентированную в речи реальность. Поэтому эпитет – это не только художественное, но и, на наш взгляд, *любое* (кроме логического) определение, содержащее оценку *разной степени и интенсивности* при наименовании явления действительности. Такое понимание эпитета не является чем-то необычным и представляет эпитет в широком смысле слова (ср., напр., мнение известного литературоведа Л.И. Тимофеева [5, 209]). Можно сослаться и на другие авторитетные определения природы эпитета, в частности Ю.М. Скребнева, который считает, что «эпитет (от греч. epitheton (onoma) букв. – приложенное, прибавленное) – стилистически значимое (содержащее троп или подчеркнуто характеризующее предмет речи) слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства» [3, 640]). Мы в полной мере разделяем такое понимание эпитета, ибо объектом наших наблюдений является не художественная речь, а прозаическая продукция конкретной языковой личности прошлого, наиболее насыщенная такого рода тропами.

Научно доказано, что творческая языковая личность начинается на когнитивном, тезаурусном уровне и завершается на уровне проявления ее прагматикона [2, 1987]. Именно эти два уровня непосредственно связаны как с психическими, лингвистическими и иными возможностями личности, так и с внешними обстоятельствами, в которых протекает (для диахронии – протекала) ее речевая деятельность. С учетом подобного подхода к использованию эпитета как образного либо характеризующего элемента дискурса Петра Великого, передающего такие психические особенности его личности, как темперамент, характер, способности, эмоции и т.п., можно говорить о письменном тексте прошлого не только как филологическом, но и психическом феномене, отразившем дотекстовые (предтекстовые), до-

речевые особенности деятельности носителя языка и его внутреннее состояние, репрезентированные с помощью всех доступных носителю языка приемов, в том числе и с помощью эпитета. В этом отношении эпитет в дискурсе Петра I выступает одним из весьма заметных функционально-стилистических единиц, организующих его речетворческую, а следовательно, дискурсивную по своему характеру продукцию и реально, зримо демонстрирующих новую для данного этапа истории русского языка лингвистическую организацию текстов.

Подробное исследование эпистолярной (в широком понимании этого термина) продукции Петра Великого обнаруживает удивительный мир языковой личности, которая о п р е д е л я е т с помощью различных прилагательных и наречий практически в е с ь предметный и действенный мир, составивший е г о картину мира. И хотя трудно каждое определение-прилагательное или обстоятельство-наречие, вербализованные в лингвистике текстов его писем и бумаг, отнести к эпитетам, тем не менее, исходя из выше приведенной трактовки эпитета в широком смысле, нельзя не обратить внимания на то, что Петр I либо логически, либо, что чаще всего, аксиологически характеризует практически каждый названный им предмет или действие по их признаку или принадлежности к соответствующему классу подобных. Отсюда богатство определений, употребленных прежде всего в своих прямых номинативных значениях: *конский убор, подлинная ведомость, рудные дела, бастионы низкие, ровь воденной, мушкетная стрельба, мелничной мастер, водяная мельница, неприятелские партии, мундирное строение* и множество других, в которых определение выступает фразеологически связанным с ним компонентом сочетания. Не являясь эпитетами в художественно-эстетическом (общепринятом) понимании, подобные номинации, указывающие на реальные свойства и качества мира вещей, на наш взгляд, психологически подготавливают восприятие адресатом дискурсивной продукции оценочного компонента обозначаемого, оригинально и богато представленного на прагматическом уровне через употребление определительных и обстоятельственных слов и словосочетаний, даже не содержащих в своей содержательной стороне такой оценки.

С учетом подобной имплицитной особенности дискурса Петра I становится очевидным, что его речевые стратегии реализуются

в пределах широчайшей палитры на аксиологической шкале ценностей своего времени. Особенно характерными в этих случаях представляются определения к различным предметным наименованиям, призванные (в согласии с другими средствами его прагматикона), в о з д е й с т в о в а т ь на адресатов с целью реализации выдвинутых стратегий адресанта текста. В таких случаях создатель эпистолярия как нестандартная, творческая языковая личность мобилизует богатейший арсенал не только оценочной, но и нейтральной лексики, которая на подобном фоне реализуется им с дополнительными оценочными оттенками значений. Эту последнюю на шкале оценок условно мы разделили на *умеренно-оценочную* и *максимально- (или предельно-) оценочную*. При этом фоном для такой градации служат приведенные выше номинативные определения, выступающие в качестве стандартных, логически оправданных (назовем их *нулевыми*) по характеру оценки обозначений, свойственных, как правило, усредненной языковой личности в базовом ее состоянии. Такие стандартно-нормативные и аксиологически нулевые определения носят констатирующе-логический характер и потому к эпитету имеют весьма отдаленное отношение. С учетом предложенного понимания характера эпитета и с точки зрения эпитизации дискурса отдельной языковой личности названная аксиологическая шкала в полном ее составе по восходящей линии выглядит примерно так: *нулевая* с точки зрения оценки лексики как репрезентатор стандарта определения → *оценочная* лексика, выполняющая функцию эпитета, которая, в свою очередь, делится на *умеренно-оценочную* и *максимально-(предельно-) оценочную*.

Именно в последнем случае, когда определение или обстоятельство, кроме номинирования признака, несет в своей семантике еще и дополнительный элемент оценочности, они становятся эпитетами и выступают в языковой личности конкретного носителя языка, в частности Петра I, как действенное средство, движущий элемент в процессе письменной коммуникации, придавая дискурсу динамизм и экспрессию. Это свойство эпитета и позволяет отнести его к прагматическому уровню языковой личности.

Исходя из изложенных посылок, остановимся на наиболее характерных особенностях функционирования эпитетов в языковой личности Петра Великого как личности творческого характера.

Умеренно-оценочные эпитеты в языковой личности Петра Великого представлены и эпитетами-определениями, и эпитетами-обстоятельствами. Причем определений в функции эпитета гораздо больше, чем обстоятельств. В семантическом отношении и те и другие трудно поддаются какой-либо классификации, поскольку отражают богатую и многообразную колоссальную по параметрам палитру признаков предметов и действий, которыми жил Петр как языковая личность. Поэтому назовем наиболее часто встречающиеся: денги *довольные, изрядной* трактамент, *изрядныя* ведомости, *должной* поклон, *великой* убыток (шведам), *великой* урон, *счастливая* партия (в значении 'поход'), *конечной* страх, *в лучшем* секрете (держат), (брать) *лучших* людей, *опасныя* места, дела *нужныя, непрестанная* суета, *доброжелательные* Поляки, *недобрая* ситуация, *знатная* победа (убыток, ведомость и т.п.), *великодушные* поступки, *порядочное* действо (о бое), *подлинная* ведомость, *совершенная* (есть) нужда, *сугубая* виктория, от сердца *истинного* и т.д., и т.п.

Поскольку в пределах краткого сообщения трудно дать полный анализ функциональных особенностей эпитета в языковой личности Петра I, возьмем для иллюстрации выдвинутых положений наиболее частотный эпитет **добрый** и его антонимический опозит **худой**.

Так, полисемичная лексема 'добрый' издавна (с XI в.) употреблялась в русском языке (см., напр., данные в: [СлРЯ XI-XVII, 4]). Практически все значения, приведенные в этом историческом словаре, дошли и до Петровской эпохи, указывая на такую устойчивую картину мира, в которой данное качество устойчиво продолжало бытовать в оценочном мире русского человека со знаком + (плюс). Его регулярное и частотное использование в языковой личности Петра Великого говорит о том большом значении, которое придавал Петр данному свойству и качеству вещного и духовного мира, который его окружал. И хотя семантика многих словоупотреблений с эпитетом 'добрый' говорит о его синкретизме, тем не менее, можно выделить наиболее определенно представленные смыслы, важные для его концептуальной сферы языковой личности Петра, ибо с его помощью он выражал *свое* отношение к называемым фактам действительности давал *свою* оценку явлениям и фактам, о которых писал. Сравним реализацию таких значений через данный эпитет:

'хороший, безукоризненный': ежели какой *доброй* случай будет, не изволте пропускать, но делать как возможно к лучшему (VIII, 1, 17. 1708); с оттенком 'способный, знающий': Также пошли *добрава* инженера к Гомелю и Чернигову (VIII, 1, 22. 1708);

'хороший, хорошего качества' – значение, отмеченное СРЯ XVIII в. как выходящее из употребления в этом веке; ср. у Петра I: Приищи самых *добрых* аглинских карандашей (IX, 1, 96. 1709); Также отпиши, чтоб из Вест-Индии вывезли *добрых* табачных семян пуд или болше (IX, 1, 96. 1709); При том же советую вам, дабы меж Копоси и Витепска *добрую* партию [в неболших людех] лехкую послать поперег той дороги (VIII, 1, 34. 1708) и мн. др.

Особенно широко употребительно в языковой личности Петра Великого это значение с оттенком 'искусный, умелый, рачительный' (СРЯ XVIII, 6, 159), что, на наш взгляд, свидетельствовало и о качествах самого создателя текстов, любившего любое дело и склонного к добросовестному, качественному его исполнению, если он за него брался. Именно это качество он ценил и в других и потому постоянно подчеркивал подобную свою целевую установку, когда писал письма, указы и распоряжения многочисленным адресатам. Ср.:

P.S. Как кругом Смоленска, так из Малороссийских и здешних Полских мест соберите *добрых* вожжей ... (VIII, 1, 22. 1708); I не престаंना посылайте з *добрыми* камандирами партиі (VIII, 1, 50. 1708); а препорцию сей машины деревьям лутче мельники *добрыя* разумют, неже мы (IX, 1, 114. 1709) и под.

'честный, порядочный; добродетельный' (о человеке): А смерти Реиншильтеве тужить нечево: хотя и *добрый* человек был, толко лутче, что умер (IX, 1, 81. 1709).

На фоне умеренно-оценочных эпитетов особо обращает на себя внимание такая индивидуальная особенность языковой личности Петра Великого, как активное применение им **максимально-оценочных эпитетов**. Именно их регулярное применение в его речевой практике позволяет говорить о Петре I как *сильной языковой личности*. Эта сила языковой личности проявляется в колоссальной экспрессивно-эмоциональной мотивации подобных единиц в его дискурсе. Именно наличие эпитетов подобного рода придает дискурсу Петра I исключительную энергию. В них с наибольшей полнотой проявилась такая уникальная черта личности Петра, как его в о л я в преодолении

бесконечных препятствий на пути построения государства нового типа (ср. мнение писателя наших дней Даниила Гранина, своим чутьем художника слова, творца заметившего эту черту Петра I: “Феномен Петра заключался в его воле” [1, 34]). И действительно, воля – это тот движущий элемент натуры Петра, который получил свое воплощение и в эпитете любого типа, особенно – в максимально-оценочном, образном по экспрессивной и художественной своей природе. Эпитеты такого типа в целом делают дискурс Петра Великого ярким, оценочным, сквозь который прорываются чувства живого человека, положившего всю свою жизнь на алтарь Отечества, что и сделало его язык не бесстрастной фиксацией фактов действительности, а необычным явлением своего времени, отразившим эволюцию русского языка в новых культурно-исторических условиях, обозначившихся на стыке столетий в переломный период истории русского литературного языка. Особенно такая черта языковой личности Петра проявлялась в минуты, когда он, как правило, лично участвуя в сражениях, одерживал победы либо получал приятные (а иногда и неприятные) его сердцу известия от своих подчиненных. Тогда его речь становилась эмоционально-насыщенной, легкой либо напряженной, естественно передающей внутреннее его состояние. Как можно заметить, это состояние адресанта писем и бумаг одновременно проецируется и на чувства его адресатов, которые, безусловно, не могли не разделять подобные чувства и мысли своего суверена. Ср. хотя бы некоторые примеры такого рода:

А при Полтавской баталии сражался с полком своим лично, быв в *великом* огне (IX, 1, 496. 1709); P.S. При сем поздравляю вам сим *торжественным* днем, которым Бог начало щастию нашему даровал (VIII, 1, 188. 1708) (о победе у Лесной. – Н.Г.); Какую намъ Богъ далъ *несказанную* викторию, о томъ увѣдамисся изъ моего к адмиралу писма (VIII, 1, 174. 1708); даже до темноты бой сей (у Лесной. - Н.Г.) с *непрестанным* зело *жестоким* огнемъ пребывал (Ф.Ю.Ромодановскому. VIII, 1, 169. 1708); ... короля Шведского [...] отаковали [...] і по двучасном *непрестанномъ* огню оныхъ *гордых* неприятели сломили (VIII, 1, 108. 1708) и мн. др. под.

Таких максимально, предельно-оценочных эпитетов в дискурсе Петра Великого, в том числе и созданных, видимо, самим автором писем и бумаг, отмечается множество: *пророчественной* пороль, *недреманное око*, *крепко*

приказать, *жаркой* неприятели, *жесток* поступать, *великой* неприятели, *лстивым* образом, *крепкой* указ, *праведными* судьбами, *радостное* писание, *печальная* церемония, *проклятое* место, *проклятыя* воры, *проклятой* город, *нечаемая* ваша и наша печаль, *жесток* лекарства, *под жестоким* штрафом, с *жестокими* палаксизмами была (болезнь), *безчесной* уход, *погубелный* конец, *злодѣянный* вор, *превеликая* полза, *превеликая* радость, *злая* дорога, *окаянная* турки, *гордые* неприятели, *превеликая* и *нечаемая* победа, *неслыханная* новина (т.е. новость). Эти и масса других эпитетов в языковой личности Петра Великого отличаются от употребления в художественной речи мотивировкой своего функционального назначения. Так, в художественном тексте эпитет выполняет прежде всего характеризующую, изобразительную, экспрессивно-выразительную функцию. В реальной же языковой личности при сохранении указанного назначения главная функция эпитета – воздействующая, движущая, прагматически мотивированная р е а л ь н ы м и и установками адресанта, основная цель которого – обратить внимание адресата на называемые объекты действительности, представляющие как предметный (выраженный именами существительными), так и вербальный (выраженный глаголами и причастиями) мир.

Таким образом, наблюдения над эпитетами как прагматическим средством реализации языковой личности в эпистолярной Петра Великого наглядно репрезентируют не только личностные, индивидуальные предпочтения в использовании языковых единиц, но и д в и ж е н и е, э в о л ю ц и ю в стилистической системе русского языка в диахронической перспективе в конкретных условиях ее функционирования. Языковая личность (в нашем случае Петра I) как порождение совершенно определенных культурно-исторических условий позволила обнаружить новые тенденции в русском языке в такой важный, переломный период его истории, как Петровская эпоха, не случайно носящая имя этого гения русской культуры, который «появился как вулкан, из подземных сил, накопленных веками русской дремоты» (1, 34). Его дискурс не случайно оказался связанным с формированием новой стилистики, в которой человеческий фактор вышел из своего своеобразного подполья русской соборности на передние позиции становления литературного языка нового типа и стал той движущей силой, которая характеризует язык нарождавшейся

нации – более раскованный, свободный и гибкий в сравнении с предшествующими периодами его развития в донациональном его состоянии.

Литература:

1. Гранин, Даниил. Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М. – СПб., 2002.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
3. Скребнев Ю.М. Эпитет // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1998. – С. 640-641.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-26. – М.: Наука, 1975 .... (прод. изд.). – (СлРЯ XI-XVII).
5. Тимофеев Л.И. Теория литературы. – М., 1971.

***

Бұл мақалада орыс тілінің диахронды дамуы тұрғысынан эпитеттің функционалды ерекшеліктеріне дәстүрлі емес көзқарасы ұсынылады. Петр I -дің хаттары негізінде эпитеттің аксиологиялық шкаласының қалыптасуы көрсетілген, және XVII ғасырдың аяғы мен XVIII ғасырдың бірінші жарты жылдығында құнды сипатқа ие бола алатын тілдің жеке тұлғасына ғана қатысты емес, сонымен қатар орыс тілінің ұлттық тіл ретінде қалыптасуының жалпы эволюциялық үрдісіне де қатысты болады.

***

The article gives the nonconventional view on functional features of epithet from positions of the diachronic development of the Russian language. On the example of the correspondence of Peter I, it shows the formation of the epithet axiological scale representing a set of value characteristics correlated not only with a particular language personality of the end of the 17-th century - the first third of the 18-th century, but also with the general evolutionary processes in the Russian language at the initial stage of its formation as the national language.

Overcoming ambiguity of verbs in english-azerbaijani mt system: the initial approximation

Ali Agababa Aliyev

Azerbaijan University of languages, Chair of General Linguistics, Baku, Azerbaijan

Аннотация. In this paper, the whole process of disambiguation of verbs in the English – Azerbaijani MT system is introduced. The creation of database of formal features and algorithms, presenting their functioning in the translation process, is illustrated. As initial approximation on the issue of disambiguation of verb senses, the working mechanism is considered as a basic result to the solution of the problem in the English – Azerbaijani MT system.

1. Ambiguity and its effect on the translation quality

The case of linguistic unit having two or more senses, identical in the shade of meaning, is considered as polysemy in natural languages (e.g. the verb *bring* can be translated as *fetch smth*, *give rise*, *deliver*, *profit*, *to raise a question*, *introduce*, *convince* and other occurrences and in every case that word expresses an action identical in shade of meaning in depth). But homonymy is the event of a language that encloses the linguistic unit identical in spelling but different in meaning (e.g. *gül-flower* (a kind of plant), *gül-smile* (the imperative form of the verb “*gülmək*”) [1], [2]. Both linguistic events – polysemy and homonymy – bear obstacles particularly in the process of formal parsing and the level of the solution to these problems seriously affects the translation quality. The fact that a word form in the source language might have several equivalents (translations) in the target language

necessitates the selection of the correct one of those translations. The word sense disambiguation and the part of speech disambiguation are both rather important issues in regard to comprehensibility of the text and the correspondence of the translation of the text to the original alike.

In spite of the fact that, much has been done in scope of the development of applied linguistic technologies for Azerbaijani [3]-[8], the creation of the algorithmic elimination mechanisms for ambiguous lexical units is still remaining as one of the issues waiting for its solution in the field of machine translation system development for our language. Though one can come across several research work concerning homonymy in Azerbaijani, its types and formal elimination algorithms among these investigations [8]-[9], the algorithmic elimination of the polysemy is still remaining as a less investigated field.

Let's have a look at the following examples: